

Удивительнее всего было то, что, когда Лу Юси вошёл в класс, Чжан Вэньсюй оказался цел и невредим, сидя на стуле и весьма оживлённо болтая с соседом.

Увидев, как Лу Юси заходит в класс, он радостно помахал ему рукой:

— Ну, я же говорил! Сказал, что если с тобой, мама точно будет спокойна.

Лу Юси опешил и машинально выдал:

— Твоя мама мне звонила.

— Что?? — Чжан Вэньсюй тоже застыл. — Что ты сказал?

— Эм... твоя мама мне звонила? — повторил Лу Юси, заодно добавив бонусом:

— Причём дважды. Оба раза требовала, чтобы ты подошёл к телефону.

— А? — Чжан Вэньсюй окаменел.

Как раз в этот момент вошёл Гу Чэнъань. Швырнув сумку на стол, он увидел, как эти двое застыли столбами, и с недоумением спросил:

— Что такое?

Лу Юси помог с ответом:

— Суюсюй кончился.

— Что? — Гу Чэнъань не понял.

Спустя две минуты подбежала староста класса и, увидев троих застывших истуканов, тоже с недоумением спросила:

— Что тут у вас происходит?

Гу Чэнъань помог повторить:

— Суюсюй кончился.

— Что? — Староста тоже не поняла.

Но у старосты, судя по всему, были дела, поэтому она не стала вникать, как именно «кончился» Суюсюй, а сказала:

— Через три недели Рождество. После того как на прошлых спортивных соревнованиях мы еле-еле вытянули на третье место, у нас есть призовые плюс текущие классные средства. Вроде как хватает на одну вылазку. Так что мы собираем идеи — куда бы сходить? Есть предложения?

Лу Юси, присев на место, подумал, пощёлкав длинными пальцами, но ничего путного не придумал и перевёл взгляд на остальных двоих.

Гу Чэнъань, всё ещё стоя, вытаскивал из сумки учебники и между делом бросил:

— На Рождество же бывает фейерверк, разве нет?

— Вроде можно рассмотреть, — староста подперла подбородок рукой. — Но надо ещё собрать мнения остальных.

Сказав это, она повернулась к Чжан Вэньсюю, но тот по-прежнему стоял в ступоре, поэтому она лишь бросила: «Если ещё что-то придёт в голову — скажите мне» — и пошла опрашивать других.

А когда человек провинился, у него именно так и бывает: стоит узнать, что другой в курсе дела, и в период, пока тот не спрашивает, начинается непрерывная тревога.

Как, например, сейчас у Чжан Вэньсюя. Лу Юси смотрел на него — и самому не по себе становилось. А Гу Чэнъань только подкидывал сомнительные идеи вроде:

— Может, просто сознаешься маме? Всё равно ведь ничего не случилось, просто погулял.

Чжан Вэньсюй резко поднял голову:

— А откуда ты знаешь, что ничего не случилось?

— А что-то случилось? — с любопытством вставил Лу Юси.

Чжан Вэньсюй лишь опустил голову, слегка смущённо потирая руки:

— Ну... нет, не то чтобы. Просто мы ведь всё ещё ученики. Это... как-то не очень.

Эх, какой же чистый юноша, — не мог не съязвить про себя Лу Юси. Он посмотрел на Гу Чэнъаня, скривил губы, давая понять, что сам бессилён.

Во время самоподготовки после обеда Гу Чэнъань, непонятно почему, положил голову на сложенные руки, вдруг повернулся к нему и низким голосом начал:

— Ты...

— Что? — Лу Юси откликнулся на голос и посмотрел на него.

Тот хотел спросить, как прошли выходные, не случилось ли чего, но в последний момент слова изменились:

— Как планируешь провести Рождество?

Лу Юси, услышав, на миг застыл, затем, подперев щеку ручкой, довольно долго думал, но в итоге покачал головой:

— Не знаю пока. А что?

Гу Чэнъань смотрел на него:

— Ничего, просто вдруг захотелось спросить.

Лу Юси слегка кивнул, опустил ресницы, моргнул, затем тоже склонил голову набок, глядя на собеседника:

— А ты как хочешь провести?

— Э-э... — протянул Гу Чэнъань. — Ещё не решил. Ведь в следующем году в это время мы, наверное, уже будем готовиться к гаокао, возможно, времени праздновать не будет.

Лу Юси не стал отрицать:

— Ага.

Да, в следующем году в это время, наверное, каждый будет биться за себя. Останется ли тогда время на такие беззаботные игры и возню, как сейчас?

Хоть Чжан Вэньсюй и промучился всю неделю, мать так и не устроила ему допрос, и постепенно он совсем забыл об этом деле.

А Гу Чэнъань, у которого из-за событий той пятницы в душе остался некоторый осадок, тоже вернулся к прежнему состоянию. Каждый день после уроков по-прежнему ужинал с Лу Юси, а затем провожал его домой. Изредка, когда попадались те самые коллекторы, он без колебаний забирал Лу Юси к себе.

Лу Юси тоже сближался с ним всё больше, настолько, что в первую пятницу декабря едва не пал жертвой одного «подвига» Чжан Вэньсюя.

На деле подтвердилось, что Лу Юси не только быстро бегает, но и обладает быстрой реакцией.

На первом уроке в тот день учитель китайского, неизвестно почему, внезапно вдохновился и выбрал для сочинения тему, которую учителя часто повторяют старшеклассникам — ранние отношения.

Гу и Лу, как хорошие ученики, тут же взялись за перья и исписали положенные восемьсот иероглифов. Китайский у Лу Юси был сильной стороной, поэтому, закончив, он от нечего делать прислонился к стене и начал проверять на ошибки.

Шуршание пишущей ручки по бумаге не умолкало, он подумал, что Гу Чэнъань ещё не закончил. Взглянул — а тот уже сидит, играет в телефон. Тогда он с повышенной бдительностью инстинктивно глянул на сидящего сзади Чжан Вэньсюя.

И увидел, что обычно с трудом выдавливающий две строчки за десять минут Чжан Вэньсюй на этот раз, вопреки обыкновению, будто бы обрёл неиссякаемый источник вдохновения — писал удивительно бегло и быстро.

Лу Юси не мог не заинтересоваться: что же это он такое пишет?

Но одного этого взгляда хватило, чтобы он протянул руку и схватил движущуюся ручку Чжан Вэньсюя. Кончик пера прочертил на бумаге длинную линию, затем послышался лёгкий треск — листок сочинения разорвался.

Лу Юси сквозь зубы прошипел:

— Сюйсюй.

Услышав, Сюйсюй вздрогнул.

Гу Чэнъань, услышав звук, тоже привлёкся. Стоило ему высунуть шею и взглянуть на заголовок — всё сразу стало ясно.

На заголовке было написано: «Красавчик-сосед по передней парте».

Учитель китайского, сидевший на кафедре, услышав шум, тоже подошёл. Он только начал спрашивать: «Что случилось?» — как Лу Юси быстро ткнул пальцем в листок Чжан Вэньсюя и сказал:

— Учитель, у него листок порвался, можно новый? — и, не забыв, одним движением стащил порванный листок к себе на стол.

Учитель вопросительно посмотрел на Чжан Вэньсюя, и тот, изначально готовый было занять, после того как Лу Юси метнул в него свирепый взгляд, закивал не останавливаясь.

Учитель тогда развернулся, поднялся на кафедру, взял новый листок и, вручая, напомнил:

— Не забудь сдать в понедельник.

Чжан Вэньсюй яростно закивал головой.

Лу Юси, поддерживая лоб рукой, с безнадёжным видом смотрел на того, сзади, скрипя зубами, но изо всех сил стараясь говорить помягче:

— Это же школьное сочинение, разве ты хочешь, чтобы его зачитали перед всем классом?

Он действительно был в шоке. Учитель китайского ведь каждый раз зачитывал вслух и хорошие, и плохие работы, а Чжан Вэньсюй как раз частенько попадал в список «достижений». Как можно было быть таким беспечным?

А Чжан Вэньсюй и вправду был расстроен. Редко когда написал несколько сотен иероглифов — и всё коту под хвост. Он сказал:

— Я просто подумал, что эта тема отлично ложится на романы, которые я обычно читаю.

Судя по количеству потребляемых им романов, мало того что восемьсот — с таким настроением он, пожалуй, собирался развернуть многотомную эпопею.

Лу Юси просто не смог сдержаться и возвёл очи горемычные. Затем, исходя из факта «сам порвал чужое сочинение — неправильно» и идеи «надо избежать дальнейших осложнений», в конце концов, стиснув зубы, взял новый листок и сказал:

— Ладно, на этот раз я напишу за тебя.

А пока Лу Юси вёл переговоры с Чжан Вэньсюем, сидевший рядом Гу Чэнъянь уже успел прочитать незаконченное «Красавчика-соседа по передней парте».

Молча, сложив ладоши, он похлопал, прямо глядя на Чжан Вэньсюя, и искренне похвалил:

— Талантливо.

Вот только порядок, пожалуй, нужно поменять. Должно быть как минимум «Красавец-сосед по парте впереди».

После наступления декабря в Цзянчэне окончательно похолодало.

<http://bllate.org/book/16262/1463490>